

Чем образованнее человек, тем глубже он обязан знать язык своего народа.

А. Югов. Судьбы родного слова

Наверное, вряд ли нужно напоминать и объяснять, что такое русский язык, в чем его величие и красота. По словам А. Ф. Лосева, известного в мире лингвиста и философа, «только в слове мы общаемся с людьми и природой», только в нем «обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах ее проявления».

Наш народ на протяжении тысячелетий создал колоссальное, ни с чем не сравнимое богатство — великую литературу, великую культуру слова, всемирно известные шедевры в области музыки, театра, балета. То, что во всем мире называют духовной сокровищницей русской цивилизации. К сожалению, сейчас общественность открыто заговорила о том, что фактически идет целенаправленное разрушение, а порой и вовсе

уничтожение этого наследия. Газета «Вечерняя Москва» (8 апреля 2014 года) посвятила этой проблеме специальную страницу. Обращаясь к читателям, редакция предупреждает: «Сегодня широко распространено мнение, что если ты занимаешься бизнесом или просто по роду деятельности взаимодействуешь со множеством людей, то, не понимая жаргонных словечек и фраз из блатного и компьютерного языка, именуемого олбанским, ты не станешь своим в деловой среде. Раньше по ТВ иногда, а теперь часто специфическое словцо слышится из уст политиков, артистов, спортсменов. Жаргонные выражения плотно закрепились в нашей речи». А писатель Д. Корецкий свою статью озаглавил так: «Даже депутаты говорят на фене». Развивает и конкретизирует эту мысль Алексей Александров — пер-

вый зампред Комитета Совета Федерации РФ по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества: «Политики часто употребляют слова “произвол” и “беспредел”, путают понятия “нация” и “национальность”. Неверно используют ударения в словах “возбуждено” и “осужденный” и так далее. Русский язык очень богат, и засорять его жаргоном, заимствованиями из других языков ни к чему. Мы же не любим грязную одежду, почему тогда миримся с грязным языком?»

Своей озабоченностью поделился и глава государства на заседании Совета по национальным отношениям: «Сейчас плохо и с обучением, и с мотивацией к изучению русского языка».

Правда, пока мы лишь говорим о необходимости борьбы за чистоту и сбережение родного языка, оставляя «ворота» на пути грязного потока открытыми. Интересными наблюдениями делится лингвист Кронгауз: «Сегодня мы часто слышим такие слова, как “няшка”, “мимими”, “печалька”. Эти слова из лексикона новой сентиментальности — языка девочек, называющих себя ванильками. Однако теперь девчачьи словечки с удовольствием повторяют люди, не входящие в эту культуру, и даже СМИ».

Максим Кронгауз

Не менее любопытным наблюдением делится на страницах «Вечерней Москвы» (8 апреля 2014 года) и известный русский поэт, прозаик и публицист Евгений Евтушенко: «Я вспоминаю актрису из Иркутска, приехавшую в Москву в командировку. Такие слова произносила, что я ахнул! “Почему, — спрашиваю, — ты так разговари-

ваешь?” А она объяснила, что хочет быть моднее и современнее».

Вспоминаем: состояние и уровень языковой подготовки, культуры речи вызывает обоснованную тревогу в нашем обществе. Выдвигаются и формулируются некоторые пути очищения и спасения нашего языкового богатства, возвращения его к истокам и т. д. Так, в последнее время отстаивается теория якобы естественного очищения языка и культуры речи в процессе так называемого эволюционного развития: мол, язык — живой организм, и он сам решит, от чего ему избавиться и что сохранить, что возродить, вернуть к жизни из истории нашего литературного языка. Именно этим защитники «естественного очищения» объясняют широкое распространение молодежного сленга: стремление некоторой части молодежи быть не как все, быть, как объяснила Е. Евтушенко иркутская актриса, «моднее и современнее». Хотелось бы согласиться, только верится в это с трудом!

Другие пытаются объяснить появление в нашем повседневном общении грязного потока уголовного и блатного жаргона политическими и экономическими изменениями, которые произошли в нашей стране. На наш взгляд, им очень убедительно возражает академик Олег Трубочев: «Нам, огрубевшим от нашей материально неблагополучной жизни, самое время напомнить, что крушение материального Союза ССР не означает полного и бесповоротного его крушения, ибо последнее, смею надеяться, не затронуло лучшую, в полном смысле слова нетленную часть нашего союза, о которой я имею кое-что сказать уже профессионально как языковед, ибо это — языковой союз, русский языковой союз».

Своеобразным продолжением и развитием его высказывания, по нашему мнению, можно считать и убеждение Бориса Шергина («Тайна русского слова». М., 2008): «Язык классической нашей литературы XIX века весьма богат потому, что создавали его люди глубокой мысли, люди высоких стремлений... Если язык русский есть богатство, наследие отцов наших, то славные писатели наши, как добрые сыны, приумножают отцово наследие».

В течение последних десятилетий сбережению и развитию нашей культуры и языка много сил отдает и Ю. Поляков — главный редактор «Литературной газеты», член Общероссийского народного фронта, писатель и публицист. Так что же делать? — вправе спросить читатель. Считаю, что на этот вопрос аргументированно отвечает доктор филологических наук Алтайского университета

Е. Лукашевич: «Проблема в том, что он (русский язык) перестал быть государственной ценностью, его используют как средство воздействия и манипуляции. Мы бросаемся из крайности в крайность. То запрещаем мат, то боремся с заимствованными словами. Русским языком нельзя заниматься эпизодически». Интересные данные сообщили газете «Мир новостей» (15 июля 2014 года) специалисты кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета. Ученые провели специальный эксперимент, в ходе которого они фиксировали речевые дни людей из разных социальных групп, записывая их на диктофон. Выяснилось, что даже вузовские преподаватели используют в течение суток не более 300 слов. В итоге они пришли к выводу, что лексикон среднестатистического современного человека не очень отличается от словарного запаса знаменитой Элочки-людоедки! По мнению президента Российской академии образования профессора Л. Вербицкой, сейчас по данной проблеме необходимо провести парламентские слушания с участием лингвистов, русистов, по итогам которых подготовить специальное правительственное постановление и наметить реальные пути по сохранению и развитию отечественного языка.

Нужно, чтобы каждый носитель языка помнил, что граница языка отдельно взятого человека есть в то же время и некая граница его духовного мира. «Не должно быть, — пишет академик Д. С. Лихачев, — слепых к красоте, глухих к слову и настоящей музыке, черствых к добру, беспамятных к прошлому». О государственном подходе к решению проблем духовной культуры в нашей стране пишет и еще один наш современник — писатель Валерий Ганичев: «Если общество и власть не отринут чисто коммерческий подход к культуре, нас ждет всеобщее культурное обнищание, невежество, бедность духа...»

Легко заметить, что все раздумья, все попытки осмыслить процессы, происходящие сейчас с нашим языком, речевой культурой и культурой в целом, объединяет главное: истоки этого явления лежат прежде всего в государственной политике, в отсутствии целенаправленной работы по сохранению и развитию нашего языка. Об этом пишет и крупнейший писатель и мыслитель Лев Гумилев в трактате «Тысячелетия вокруг Каспия»: «Часто люди искренне полагают, что прошлое, как бы грандиозно оно ни было, исчезло безвозвратно и, следовательно, никакого значения для сегодняшней, а тем более будущей действительности иметь не может. “Нам нужны современность и знания о

ней!” — этот тезис приходится слышать и в беседах за чаем, и в случайных разговорах в поездах, и на научных заседаниях, причем каждый раз с нескрываемым апломбом».

Думаю, данное высказывание не нуждается в комментариях, так как ежедневно со страниц наших газет, с экрана телевизора несутся сообщения о «новаторских» спектаклях на сценах ведущих театров, о выставках «актуального» искусства, о фестивалях рок- и поп-музыки и т. д. и т. п.

Почему-то сейчас забыли, что «преодоление множества кризисных явлений сегодняшнего периода российской истории невозможно без духовно-нравственного очищения и подъема общества, без опоры на классическую и народную, выдержавшую испытание временем русскую культуру и культуру народов России. Россия живет тяжело. Давайте же созидать ее вместе — под знаком русской классической литературы и великого Русского Слова» (из резолюции XI Всемирного русского народного собора).

В нашей статье на примере жизни и творчества великого русского поэта, учителя А. С. Пушкина Василия Андреевича Жуковского будет сделана попытка показать, как закладывались основы нашего литературного языка, чем близка нам и современна для нас его реформаторская, просветительская работа.

В. А. Жуковский

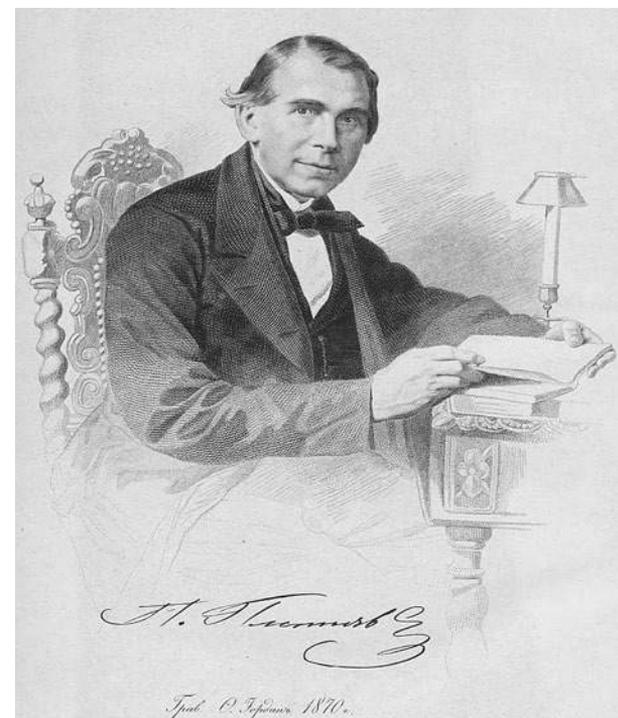
Напоминаем: В. А. Жуковский (1783–1832) — поэт, крупнейший в русской литературе переводчик (ему принадлежат переводы «Одиссеи» Гомера, стихов и поэм Ф. Шиллера, Дж. Байрона), один из создателей русского романтизма, академик. Его по праву называют не только учителем А. С. Пушкина, но и учителем всех русских поэтов

первой и второй половины XIX века. По признанию современников, он наряду с Пушкиным и Рылеевым был и образцом гражданина, одним из замечательнейших людей своей эпохи, воспитавшим целое поколение своим примером. Великий труженик, он освещал и облегчал трудный жизненный путь многим и многим людям, соприкасавшимся с ним. Он, по мнению многих исследователей, вошел в нашу культуру как создатель высоко нравственного творчества, во всей красоте этого понятия, ставшего традицией для русской классики. Многие поколения наших мастеров русской словесности учились у него бесстрашию и несокрушимости бойца и одновременно утонченности духа, высокому служению искусству. «Вот истинный жрец Муз!» — восторженно отзывался о нем поэт А. Плещеев в письме известному лингвисту академику Гроту.

Повторяем, Жуковский был великим тружеником. На протяжении всей жизни он всегда вставал в пять часов утра и принимался за работу. В 1851 году поэт серьезно заболел, почти ослеп. Врачи предписали ему постоянно находиться в темной комнате. Положение отчаянное, но он по-прежнему напряженно работает. Сохранилось его письмо П. А. Плетневу от 1 сентября 1852 года, которое позволяет нам заглянуть в творческую лабораторию поэта: «Я человек изобретательный. Вот, например, я давно уже приготовил машинку

для писания на случай угрожающей мне слепоты — эта машинка пригодилась мне полуслепому: могу писать с закрытыми глазами. Правда, написанное мне трудно самому читать; в этом мне поможет мой камердинер. И странное дело! Почти через два дня после начала моей болезни загомонила во мне поэзия и я принялся за поэму, которой первые стихи мною были написаны тому десять лет, которой идея лежала с тех пор в душе неразвита и которой создание я отлагал до возвращения на родину... Я полагал, что не могу приступить к делу, не приготовив многого чтением, — вдруг дело само собою началось, все льется изнутри; обстоятельства свели около меня людей, которые читают мне то, что нужно и чего сам читать не могу, именно в то время, когда оно мне нужно для хода вперед: что напишу с закрытыми глазами, то мне читает вслух мой камердинер и поправляет по моему указанию: таким образом леплю поэтическую мозаику и сам еще не знаю, каково то, что до сих слепо ошупью, — кажется, это будет моя лучшая, высокая, лебединая песнь...»

Понятно, что письмо не нуждается в толковании, разъяснении, так как «технология» творческого процесса изложена мастером предельно ясно и доступна каждому, кто связан или будет связан с творческими поисками в решении того или иного замысла. По такому пути пойдут в будущем и такие гениальные художники, как Н. Лесков, который, по его словам, терял счет переписываниям в работе над тем или иным своим произведением, а Толстой в начале своего творческого пути составил для себя своеобразную памятку: «Пиши 1) начерно, не обдумывая места и правильности выражения мыслей; 2) раз переписывай, исключая все лишнее и давая настоящее место каждой мысли, и 3) раз переписывай, исправляя неправильности выражений». Невольно вспоминаешь, сколько раз он переписывал свой гениальный роман-эпопею «Война и мир»! Подчеркнем, что в письме о работе над словом говорит не начинающий писатель, а признанный к тому времени художник, за плечами которого огромное поэтическое наследие. А начинал свою жизнь в литературе Жуковский еще зимой 1794–1795 года, когда в нем вспыхнуло желание быть драматургом, стать новым Расином или хотя бы Сумароковым. Понятно, что в творческих муках родилось лишь название трагедии «Камилл, или Освобожденный Рим». Мучительно искал он первые слова, первые в творческой жизни будущего поэта. Поиски так измучили одиннадцатилетнего мальчика, что он заснул за столом. Зато трагедию в четырех действиях он

П. А. Плетнев. Гравюра 1870 г.

все-таки написал, уместив содержание на двух страницах...

Этот эпизод из жизни поэта важен одним: впервые он столкнулся с *поиском слова* для передачи и оформления своих мыслей, поиском упорным и настойчивым. Этим качествам творческой личности Жуковский будет верен на протяжении всей своей жизни.

Ясно, что мы не ставим своей целью всесторонне проанализировать поэтическое наследие Жуковского, да и в рамках журнальной статьи это сделать вообще невозможно. Нам хочется лишь рассмотреть отдельные, наиболее значимые периоды в его творчестве, чтобы помочь современному человеку по-новому взглянуть на прошлое, найти в нем необходимые для себя моменты, подсказки, которые помогут реализовать свой творческий потенциал уже в современных условиях.

Принято считать, что широкое признание Жуковского как поэта пришло к нему после опубликования элегии «Сельское кладбище» в 1852 году, в основу которой он положил перевод элегии английского поэта Томаса Грея «Элегия, написанная на сельском кладбище». Это было время, когда в русском искусстве закрепляет свои позиции новое направление — сентиментализм, у истоков которого стоял Н. М. Карамзин. Деятели литературы, искусства привлекает в нем провозглашаемый культ естественного чувства, природы, интерес к патриархальной культуре.

Н. М. Карамзин в эти годы был редактором известного журнала «Вестник Европы» (1802–1803). В июльском номере 1802 года он опубликовал «Элегию», стихотворение А. Тургенева, поэта, общественного деятеля, друга Жуковского. Казалось бы, все нормально: жизненные позиции друзей-поэтов полностью совпадают, стихи А. Тургенева прекрасны (это подметил и сам Н. М. Карамзин), тем не менее Жуковский делает новый перевод «Элегии» Грея. Прежде всего, он избавляет «Элегию» от многих конкретных деталей бытия, приземляющих общую мысль, так как читателя нужно *поднимать, устремлять* к небесам на крыльях чувств, кроме того, стих должен звучать, как музыка, а пятистопный ямб делает его (стих) отрывистым, резким. И Жуковский заменяет пятистопный ямб шестистопным, соблюдает в каждой строке цензуру, уделяет особое внимание столкновению звуков, усиливает музыку слова. Думая над этим, он ходил по лесу, «под кровом черных сосен и вязов наклоненных» слушал «ранней ласточки на кровле щебетанье», смотрел, как в поле «серпы златую ниву жали». Главное, счи-

тал поэт, надо показать, какой по форме должна быть *русская элегия*.

В августе 1802 года элегию «Сельское кладбище» опубликовал в журнале «Вестник Европы» знаменитый Н. М. Карамзин.

Жуковский, как известно, не только блестящий поэт, тонкий стилист и знаток русского языка, но и образец патриота, гражданина, воспитавшего своим примером не одно поколение.

Отечественная война 1812 года, всенародный подъем в стране... Жуковский остро чувствует то сложное слияние печали, порыва к бою, уязвленной гордости и уверенности в победе, то есть все то, что испытывало все российское общество. Сюжетов предлагалось немало, но он и в это трудное время не изменяет своим принципам: сюжет можно взять где угодно, главное для него — мастерство, мастерство в мыслях, в разработке материала, в стиле. Он создает «Песнь барда», главной темой ее делает всеобщее русское чувство, охватившее страну. Он избирает для его передачи высокий одический стиль, что позволило ему обратиться не только к разуму читателя, но прежде всего к его чувствам. Успех «Песни...» был громадным: стихотворение положили на музыку и готовили к представлению в театре. Александр Тургенев восторженно пишет: «“Песнь барда” — лучшее произведение российской словесности! Великий поэт — Жуковский».

Сам Жуковский рассматривал стихотворение лишь как дар своему Отечеству: «Эти стихи суть новый дар Отечеству».

Для современного читателя будет крайне интересным увидеть, как поэту удастся сочетать высокую мысль своего произведения с филигранной «отделкой» его формы. Так, несмотря на триумфальный успех его патриотической «Песни барда», он успел проанализировать язык правительственного манифеста об организации народной милиции (так в то время называли ополчение) и сформулировать своего рода рекомендации авторам подобных государственных документов: «Вообще написан хорошо, но вы забыли, государь мои, что вы говорите с русским народом, следовательно, вы не должны употреблять языка ораторского, а *говорить простым, сильным и для всех равно понятным*... Для простого народа и для большей части дворянского сословия важнейшие места из манифеста будут почти непонятны, следовательно, потеряют большую часть своего действия» (из письма Александру Тургеневу, принимавшему участие в написании манифеста). Думаем, что неплохо было бы взять на вооружение эти рекомендации великого классика и нашим го-

сударственным и общественным деятелям, любящим «ходить в народ».

В это же время поэт делает еще один неординарный шаг: по рекомендации Карамзина и поэта Дмитриева он становится редактором журнала «Вестник Европы» и ставит своей целью возродить былую славу журнала, которая была при Карамзине.

Когда началось изгнание французов, Жуковский находится при штабе армии, ведет записи в специальном дневнике, делает множество зарисовок с места событий. В это же время он начинает работать над своей большой элегией — одой, получившей впоследствии название «Певец во стане русских воинов». Списки стихотворения разошлись по армии, оно захватывало, воодушевляло солдат и офицеров и тем самым помогало общему делу изгнания врага. По форме это была героическая кантата с чертами многих лирических жанров. Мечь, гнев, смерть, любовь к Отчизне — все это поэт объединил в единый трубный, перунов звук. Это была целая эпоха не только в русской словесности, но и в сердцах народа-победителя. Поэта по праву стали называть «летописцем битв народных».

Поэт А. Плещеев писал Жуковскому: «Видно, Муза твоя баба русская: не боится дыму и все так же верно тебе служит, как и в чистых комнатах!» В Главном штабе русской армии ему присвоили чин штабс-капитана и наградили орденом Святой Анны.

Оправившись после тяжелой болезни, Жуковский решает не возвращаться в армию: «Так как теперь война не внутри, а вне России, то считаю себя вправе сойти с этой дороги...» И сразу же пишет А. Тургеневу: «Планов весьма много, и теперь, когда буря, сдернувшая меня с моего мирного местечка, для меня миновала, буду писать с большим рвением...»

Выделим еще один период в творческой жизни поэта — создание творческого объединения «Арзамас».

Осенью 1815 года в Царском Селе он знакомится с лицеистом Пушкиным, чье стихотворение «Воспоминание в Царском Селе» «вскружило голову» ему и Батюшкову: «Какая сила, точность в выражении, какая твердая и мастерская кисть в картинах». И тут же рождается новая идея: «Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет». Само собой возникла мысль создать

«Арзамасское общество безвестных людей», известное как «Арзамас» в большинстве исследовательских работ. Главная цель, которую ставили перед собой члены общества, — противостоять «Беседе любителей русского слова» А. С. Шишкова, защитить и развить идеи Н. М. Карамзина о новом слоге в развитии литературного языка.

Жуковский как бессменный секретарь общества сумел объединить в единое целое позиции разных его членов, именно благодаря его умению, такту «Арзамас» сыграл важную роль в реформировании и развитии русского языка.

В конце 1816 года указом Александра I Жуковскому была назначена пожизненная пенсия — 400 тысяч в год из государственного казначейства — за труды, обогатившие нашу словесность. Его и Карамзина принимают в члены шишковской Академии наук, хотя все понимали, что это был не союз с А. Шишковым, а признание огромных заслуг Карамзина и Жуковского.

Еще раз напоминаем, что мы не ставили своей целью дать исчерпывающий анализ поэтического наследия Жуковского. До конца своей жизни он остается великим тружеником: фактически опекает Пушкина, ведет длительную переписку с Гоголем, высоко оценивает поэзию молодого Лермонтова...

Среди его заветных мыслей — мысли о поэзии, о воздействии поэзии на душу человека («это власть, которую мы ни силою воли, ни силою рассудка отразить не можем»), мысли о недостижимости художественного совершенства и другие.

«Если поэт чист, — пишет он, — то и мы не осквернимся, какие бы образы, нечистые или чудовищные, ни представлял он нам как художник». Своего рода девизом для него до конца жизни остается выражение Пушкина «слова поэта суть уже дела его».

В наше время фактически повторяет эту мысль великого поэта профессор В. Ю. Троицкий: «Мы, как зеницу ока, должны беречь родное слово. Слово дано для стремления к истине. Судьба наша — в словах, нами произносимых».

Закончить статью хочется словами поэта, которыми он поделился с Гоголем: «Теперь поэзия служит мелкому эгоизму; она покинула свой идеальный мир и, вмешавшись в толпу, потворствует ее страстям, льстит ее деспотическому буйству и, променяв таинственные святилища своего храма на шумную торговую площадь, поет возмутительные песни толпящимся на ней партиям».